

ИСТОРИЯ КРАЯ. ИЗБРАННОЕ

В разделе публикуются материалы из журнала «Русский вестник», редактируемого М.Н. Катковым, за 1863 г.

«Русский вестник» – русский литературный и общественно-политический журнал, один из наиболее влиятельных журналов второй половины XIX в., оказавший значительное влияние на развитие общественной мысли и движение литературной жизни в России.

В предлагаемой читателю публикации «Жизнь в Амурской станице» описаны быт одной из станиц Приамурья и нравы проживавших там казаков, дан экономический обзор с указанием на объемы производства и цены того времени. Выразительный язык произведения помогает воссоздать яркую, полную деталей картину жизни амурского казачества середины XIX в. Все это позволяет относиться к данному произведению как интереснейшему этнографическому, историческому, лингвистическому источнику.

Статья подписана псевдонимом «Амурский хлебопашец», год не указан и предположительно установлен по номеру тома «Русского вестника». Было бы любопытно установить автора этого произведения, несомненно, неординарного человека и замечательного бытописателя.

ЖИЗНЬ В АМУРСКОЙ СТАНИЦЕ

Станица, из которой я пишу настоящие заметки, расположена на левом берегу Амура. Берег этот крут, обрывист, несколькими саженьями выше уровня реки и составляет подошву Хинганского хребта. Станица расположена в той части амурского побережья, где Хинган, оставляя покрытый ветвистыми дубами, липами и черною березой берег Амура, уходит в глубь страны, сначала длинными, почти не прерывающимися грядами гор, потом одинокими сопками и невысокими холмами.

В станице нашей насчитывается до 130-ти домов. Все они деревянные, строенные из забайкальской сосны в три и два окна на улицу. Только пять домов имеют по четыре и по пять окон в каждой стене. Дома эти вытянуты в три правильные линии, параллельные берегу Амура, длиной около двух верст. Одну линию от другой отделяют улицы сажень в десять шириной. Все три линии смотрят домами на Амур: на амурских станицах вообще улицы только с одной стороны обстроены домами, на другую же сторону выходят огороды, принадлежащие к домам следующей линии.

В центре станицы, против места, у которого пристают пароходы, посреди небольшой, заросшей бурьяном и дубовыми кустами площади, на высоком холмике, командующем остальной местностью, стоит небольшая, недавно построенная церковь.

Жители нашей станицы, которых считается около 770 душ обоего пола, – казаки Амурского пешего казачьего батальона, поселенного по берегу реки Амура от начала Хингана до селения Хабаровки. Кроме казаков, в станице проживает командир роты, офицер регулярных войск, один зауряд-офицер, священник и человека четыре мещан, как торгующих кое-чем, так и ничем не торгующих. Подобных лиц у нас называют общим именем «купец», хотя бы такой купец и не имел никаких товаров.

Вот все наше маленькое общество. У нас есть школа, в которую ходят учиться чтению, счету и письму около 20-ти мальчиков, казачьих детей. Школа помещается в казачьей избе, учительствует в ней перечисленный в казаки молодой гарнизонный солдат из кантонистов. Есть у нас отделение лазарета с двумя фельдшерами, в нем лечится постоянно не менее 12-ти человек. Доктор живет при батальонном лазарете и бывает у нас только наездом. В верхнем конце станицы, между первой и второй линией, стоит огромный цейхгауз со складом хлеба, инструментов и т. п. Сзади помещается пороховой и соляной погреба. Немного в стороне стоит землянка с окнами поверх земли – это ротная гауптвахта.

Вот все достопримечательности нашей станицы.

Я по временам проживаю здесь одну, другую неделю в совершенной праздности. Это бывает так: мне, по делам моего хозяйственного заведения, расположенного в 22 верстах от станицы, очень часто приходится бывать в станице во время прихода пароходов. Но так как пароходы правильных рейсов не делают, то и время их прихода положительно никому неизвестно. Вот и приезжаешь в станицу дожидать пароход; ждешь неделю, иногда и две, ни на шаг не отлучаясь, чтобы не прозевать желанного гостя.

Это время для меня бывает самое неприятное: кроме убийственной скуки, еще и нуждаешься во многом. Приезжая в станицу на неопределенный срок, я не беру с собой работника. По дороговизне рабочих рук держать в станице работника, стоящего около 16-ти рублей в месяц, для того только, чтобы он прислуживал моей особе, нет никакого расчета. Нанять для услуг мальчика в нашей станице невозможно: казаки или вовсе не отпускают своих детей в услужение, или отпускают за недоступно дорогую цену. Кондитерских, трактиров и т. п. у нас, конечно, нет, иметь столь на стороне тоже невозможно: вот и перебиваешься неделю-другую кое-как.

С первого же дня приезда в станицу начинаешь систематически убивать время. Встаешь по привычке в 5 часов утра, отворишь ставни. Вся станица, кроме высшего разряда лиц, уже на ногах. Из печных труб дым валит столбом, коровы, выгоняемые на пастбище, режут, собаки лают, свиньи кричат, петухи поют неумолкаемо.

Выкурив папиросу из простого маньчжурского табака, позевав, походив по комнате, приступаешь к приготовлению чая. Забота немаловажна. Ни огня в печке, ни воды в кадке нет. Положение неловкое: не идти же самому с ведрами по воду? Но нет положения, из которого человек, при твердом желании, не вышел бы с честью. Пускаешься на хитрости. Взяв палку в руки и надев фуражку, выходишь торжественно на улицу, будто на прогулку. Между тем высматриваешь заботливым оком, не покажется ли какой знакомый казак-благосклонный, на услуги которого в трудные минуты можно рассчитывать. Начинаешь ходить взад и вперед около дома.

Вот ефрейтор в полной форме: папахе, шинели, со штыком на боку, – торжественно выступает по улице. Он идет к ротному командиру доложить о благополучии караулов. Идет он плавно, не спеша, зная, что поспеет еще к тому времени, как встанет ротный; самодовольно поглядывает он по сторонам и заметно сам любит себя. Вот идет огромного роста урядник, с красным загорелым лицом и глазами навыкате, в фуражке, форменной шинели и кунгурских сапогах. Он спешит к ротному доложить о благосостоянии станицы. Немного погодя показывается из-за угла фигура нашего каптенармуса в плюшевом картузе, тиковом

бешмете и таких же брюках. Это тоже урядник, на лице его вечно плаксивое выражение, как будто воры ежеминутно собираются его ограбить или мыши съели излишнее против законного положения количество муки. Он также стремится к ротному двору за приказаниями. За ним вприпрыжку несется седой урядник в форменной фуражке и казакине – на лице у него выражается боязнь школьника, опоздавшего в школу. Это ротный писарь. Он внимательно посматривает на ворота ротного дома, как будто в первый раз их видит.

Все это власти и рассчитывать на то, чтобы они снабдили меня водой, я даже и не осмеливаюсь.

Вот отворилась калитка одного из соседних домов и из нее вышла молоденькая девочка, лет шестнадцати, с загорелым, покрытым веснушками лицом, серыми глазами и темно-русскими волосами. Одета она в ситцевый сарафан, на плечи накинут полушубок, на ногах ни чулок, ни башмаков. За ней идет парень лет двадцати двух, в красной ситцевой рубашке, плисовых штанах, босиком. Они несут на длинном коромысле трехведерный ушат. Это – дочь зауряд-офицера с работником идут по воду на реку. А вот старый казак в тиковом халате, холщовых брюках, без шапки, босиком, идет, поглядывая на ротный двор. Человек знакомый, но на услужливость которого трудно рассчитывать.

– Здравствуй, старик, куда бредешь?

– Да хлебцы смотрел, Василий Николаевич.

– А разве случилось что?

– Да вишь, вчера вечером шел дождь со страшным ветром, так ходил смотреть, не повалило ли их погодой.

– Ну что ж, как?

– Да принагнуло же порядком, местами и не встанут.

– Это скверно!

– Что ж делать, Василий Николаевич, густы больно родились, оттого и повалило.

– А что, косить начал?

– Да поехали ребята с девками, а я домовничаю со старухой.

– Да неужели у тебя и дочки косят?

– А как же, Василий Николаевич, ведь скотинки-то у меня почитай двадцать голов с баракчанами (молодые бычки и коровы) наберется – сена много нужно, а работников не нананимаешься. Прощайте, Василий Николаевич.

– Прощай, старик.

Вот из-за угла показались два лазаретских служителя, казаки же, в ситцевых поношенных рубашках и холщовых штанах, босиком, тащат огромный ушат. За ними тащится с ведрами молодая бабенка, повязанная желтым платком, в синем сарафане, босиком. За нею, в одной грязной рубашонке, бежит босоногий мальчуган лет трех.

Вот проехали верхами несколько казаков и казачек с вилами и граблями; явное доказательство, что они отправляются косить сено.

Наконец терпение мое вознаграждается по заслугам: из-за домов показывается знакомый казак, служивший когда-то у меня в работниках.

– Здравствуй, Никита, куда идешь?

– К ротному, Василий Николаевич.

– А зачем к ротному?

– Да хлебца попросить из казны заимообразно; совсем оголодали, есть нечего, пухнем с голода.

Я осмотрел его с головы до ног: следов опухоли незаметно.

– А свой хлеб куда девал, ведь ты сеял в прошлом году?

– Да много ли я сеял-то: всего с десятину какую-нибудь, а семья, знаешь, большущая.

– Так отчего же ты не посеял более?

– Да достатки-то наши плохи, всего две лошади: одну из Байкаля приплавил, другую из казны дали.

Надуваешь, парень, думаю я: мог бы и более посеять, да поленился.

– Дает ли ротный хлеба?

– Да бают, что дает взаймы тем, у кого посеяно хоть две десятины. Ну, а я в этом году десятинки с две посеял.

– Ну, а каков взошел хлебец?

– Да взошел хорошо, нечего Бога гневить, густой, хороший хлеб, только разве вчерашним дождем мало-мало прибило. Ну, да Бог не без милости, бывает – встанет.

– А много накопил сена?

– Да чего много: косил целую неделю, пошли дожди, почитай, каженный день, вот и гниет, убрать-то не успели. Теперь, думаю, опять покосить, пока ведро – бывать, успеем убрать.

– А другие казаки тоже косят?

– Да, почесть, полстаницы косят, сегодня и за реку много уплыло: там косят.

– Ну, а как маньчжуры да сожгут ваше сено: ведь за рекой не наше место – ихнее.

– Вестимо дело, что ихнее, ну да, бывать, Бог пронесет: вишь, на нашей стороне сенокосы-то далеко, верст пятнадцать почесть будет.

– А почему же остальные-то не косят?

– Да так не косят, бают, успеем еще, а как дожди польют, да сено затопит: вот тебе и успеют. Ну да еще и рано – почитай всего неделя прошла после Петра и Павла.

– Ну, а травы каковы? Хороши?

– Большущая трава – до пояса хватает, сочная, спорая трава по лугам, ну, а на высоких местах редкая и низкая: нельзя косить.

Наконец я решился упомянуть насчет воды.

– Кстати, брат Никита, принеси мне ведерко воды: работника я не взял с собой, воды-то принести и некому: я уж тебе табачку мало-мало дам.

– Ладно, Василий Николаевич, отчего и не принести.

Главное препятствие устранено: вода есть. Кое-как вырубил огня: спичек нет в лавках, а купцов проплыло немного, да и те спичек не провозили. Мигом разведен огонь, поставлен самовар. Через полчаса чай готов. Отворяю окно, посматриваю на улицу и попиваю чай. Кругом тишина невозмутимая; кое-когда пройдет по улице баба с ведрами по воду, или лазаретская прачка с черным больничным бельем на реку, или фельдшер в мундирном казакине с серебряной нашивкой на левом рукаве важно пройдет по улице, направляясь к больным, лечашимся дома.

Наконец чай выпит, солнце окончательно обогрело, на улице начинается жара нестерпимая, в комнате духота невыносимая. Делать нечего, весь книжный запас перечитан чуть ли не в десятый раз, писать лень, да и не о чем: кругом все так обыкновенно и не представляет ничего, что могло бы серьезно заинтересовать мысль и расшевелить чувство. Думаешь, думаешь, да и кончишь на том, что нужно отправиться к кому-нибудь посидеть и помолчать в приятной компании. Но вопрос, к кому идти: к ротному ли или к зауряд-офицеру. Конечно, к ротному бы лучше: человек он хороший и не глупый, да только я вчера вечером был у него: неловко так часто надоедать человеку, который, может быть, и делом занят. Решено идти к зауряд-офицеру. Прихожу. Дом у него довольно большой: на пяти саженьях кругом, в несколько комнат. Окон в каждой стене чуть не по пяти; полы вымыты до возможной чистоты, стены выбелены известкой. Три дивана на манер турецких, обитые мебельным ситцем, полинявшим уже и изорванным во многих местах, несколько табуреток, окрашенных красною охрой, два стола и шкаф, покрытые тою же краской и два сундука из так называемых нижегородских – вот вся мебель передней и двух парадных комнат. Ситцевые полинялые занавески на окнах и два зеркала довершают убранство.

Появляется сам хозяин. Это мужчина лет сорока, среднего роста, жирный, но не тучный, с короткой шеей, заплывшими, свинцового цвета глазами, красным полным лицом, коротко остриженными волосами. Одет он в ситцевый халат, нанковые брюки и женины башмаки. Начал он службу свою простым казаком, попал в образцовый полк, вышел оттуда урядником, был во время Восточной войны в Де-Кастри, стоял в числе прочих казаков в лесу в то время, когда англичане хотели сделать туда высадку. По возвращении в Забайкалье был произведен в зауряд-офицеры. Участвовал в снаряжении и следовании по реке амурских сплавов. Сам не раз сплавлял людей и хлеб. Затем командовал ротой амурских казаков, и ныне, по причине недостаточного количества офицеров, почивает на лаврах без всякого дела, считаясь, впрочем, на службе. На Амур приплыл он всего с несколькими штуками коров и лошадей, а теперь, благодаря разным оборотам, соболиной торговле и т. п., имеет маленький капиталец и живет в свое удовольствие.

- Здравствуйте, Степан Петрович, как поживаете?
- Ничего, живем помаленьку, слава Богу. Садитесь, пожалуйста, Василий Николаевич.
- Ну, что у вас нового? – спрашиваю я.
- Да ничего, все по-старому.
- Ну, как у вас скотинка? Здоровы ли домашние?
- Да что им делается, живут помаленьку. А вы как поживаете?
- Да как видите, благоденствую.
- Ждете все парохода?
- Жду и скучаю отчаянным образом.
- Так-с!
- Ну а как у вас хлебцы? Давно вы были на пашне?
- Давненько-таки. Да ничего, я думаю, хороши, разве вчерашним дождем местами повалило. Да ничего, я думаю, встанут.
- Ну а как не встанут?
- Не встанут, так не встанут, что же делать!

– Ну а сенца много накосили?

– Да накосил было копен с двести, да дождями-то все сгноило – беда да и только. Вот в прежнее время относительно сенокосу лучше было.

– А чем лучше?

– Да тем, что повестишь, бывало, казаков весной, когда нигде водки нет, дашь по крымке по другой, вот вам возов с сотню и есть на дворе.

– Неужели же за одну или две крымки водки вы подряжали воз сена?

– А как бы вы думали? Водки весной у нас всегда не хватало – к весне вся выпивалась.

– Ну, а теперь отчего же так не подряжаете?

– Теперь не то, тогда я был ротным командиром.

– Так что ж за важность, что ротным командиром. Не все ли равно?

– Равно, да не равно: теперь водку выпьют, а сена не поставят, а тогда можно было выискать – средства были.

– Ну, что же вы поделяваете?

– Да что мне делать? Чай пил, купался, на Амур смотрел, не плывет ли кто.

– Ну, и что ж?

– Да никого не видать.

– Да вы разве ждете кого?

– Да может, не придут ли маньчжуришки – нужно купить кой-чего: муки пшеничной, буды, рису. Да соболями хочу тоже поторговать.

– Да на что вам торговать соболями?

– Как на что, помилуйте, семья ведь тоже: одеть, обусть надо, да и самому есть хочется.

– Так отчего же вы хлеба больше не сеете, ведь земли у вас много?

– Отвели двести десятин. Да что в них? Распахано-то у меня всего десятин пять, шесть.

– Так вы бы больше распахали, да насеяли бы хлеба, да продали, вот бы вам и деньги.

– Так-то так, да все как-то некогда, не успеваешь.

– Полноте, батюшка, признайтесь, что лень возиться с хлебом; соболями торговать выгоднее.

Мой собеседник приятно осклабился.

– Разумеется, что соболь лучше: меньше возни с ним, а тут с пашней возись, почитай, целое лето.

– Так вы так бы и говорили, а то «некогда»: ведь сидите сложа руки, палец об палец не ударите.

– Да чего делать-то, как не сидеть сложа руки?

– Правда, правда.

Наконец разговор, за недостатком приличной материи, прекращается. Не толковать же о литературе или политике; почтенный хозяин, кроме предписаний начальства, которое читает чуть не по складам, в жизнь свою не заглядывал ни в одну книжку. С супругой его толковать тоже не о чем: она уже несколько раз успела сообщить мне о своих огурцах все сведения, какие только можно сообщить о столь важном предмете. С дочками разве полюбезничать: да они по будням ходят в затрапезном костюме, босиком и к гостям не имеют привычки выходить.

– Прощайте, Степан Петрович.

– Да куда же вы? Посидите, закусить не угодно ли?

– Благодарю: я только что пил чай. Прощайте!

Выхожу на берег. Смотрю, ребятишки забегали взад и вперед, то в дома, то снова на берег. «Ну, верно, кто-нибудь плывет», – подумал я. Подхожу к берегу, вижу – действительно плывет плот из двух-трех десятков бревен, с двумя каморками. Над ними выкинут коммерческий флаг. Казаки и казачки высыпали из домов и усеяли берег. Казаки стоят преважно, заложив руки за спину, и только изредка перекидываются между собой немногоречивыми фразами.

– Купец плывет, – говорит один.

– Да, купец – вишь, каморки понаделаны на пароме.

– Да и бочонки стоят.

– Уж не вино ли везут, ребята? – говорит, умильно осклабясь, высокий узкоглазый казак с тощими, длинными, сухими ногами, одетыми в узенькие брюки из мешочного холста.

– Ишь, как его разобрало! Смотрите, ребята, так слюнки и текут. Да врешь, брат, не вино, а масло. Вишь, бочонки-то стоймя стоят.

– И впрямь, паря, бочонки с маслом, произносит жалобным голосом узкоглазый, – эх, кабы водка, то-то бы радость: другая неделя идет, во рту не было.

Бабы, посмотрев на подплывавший паром, проворно уходили в избы заканчиватьстряпню, чтобы потом, оправив свой туалет, явиться на паром и провести время в приятном созерцании товаров.

Не успели еще уйти бабы, как показались на улице разряженные в пух и прах девушки в ситцевых платьях и сарафанах с желтыми, синими и зелеными платочками на головах, которые босиком, а некоторые в кожаных башмаках. Они успели уже переменить свой будничный костюм на праздничный, чтобы приличным образом явиться в лавку купца поторговаться или просто так постоять и посмотреть.

Паром привалил к берегу. Из одной каморки показался купец в суконном пальто дикого цвета, пикейном жилете и камлотовых брюках, с тиролькой на голове. Чуть только купец показался на пороге каморки, как народ валом повалил на паром и в лавку. Кто покупал, кто приценивался, кто только так смотрел. Насмотревшись досыта, толпа отвалила от лавки. Часа два, по крайней мере, стояли зрители на берегу, хотя зрелище, предоставлявшееся их глазам, было для них вовсе не ново, и в течение летних месяцев повторялось не раз в неделю.

Еще торжественнее бывает встреча пароходов. Чуть только кто-нибудь издали завидит дым и коужу парохода или слышит свисток, как тотчас ребятишки с криком бегут в дома возвестить родителей о радостном событии. Тотчас почти все мужское население станицы, за какой бы кого работой ни застало известие о приближении парохода, и в каком бы кто ни был костюме, спешит к месту привала пароходов. Прекрасный пол поступает практичнее. Принарядившись прилично случаю, бабы и особенно девушки начинают собирать со всего дома все, что есть продажного. И вот с молоком, маслом, творогом, огурцами, картошкой, поросятами, курами, яйцами женское население мчится к пароходу. Некоторые останавливаются со своим товаром на приличной дистанции. Которые же побойчее несутся прямо на пароход и торгуются, бойко перебрасываясь словами с покупателями. Продав, возвращаются

домой, снова несут что-нибудь и снова лезут на пароход. За бабами проталкиваются смелейшие из ребятишек, и на пароходе делается такой шум и гам, как будто он подвергся нападению неприятеля.

Во все время стояния парохода, хотя бы это продолжалось и несколько часов, толпа не оставляет берега. Даже когда пароход снимется и двинется в путь, многие все еще следят за ним взором участия. И только когда он уже окончательно скроется из виду, ревностнейшие из зрителей уходят наконец с берега. В этом живом участии к мимолетному гостю, можно сказать, инстинктивно выражается та мысль, что только пароходы соединяют нашу одинокую жизнь с остальным живущим людом.

Нельзя сказать, чтобы казаки наши редко видели пароходы: редкая неделя, чтобы не прошло их два-три мимо нашей станицы. Но у нас так мало развлечений, что приход купеческих барж, паромов и особенно парохода составляет для нас в некотором роде праздник, событие. Наконец, немало способствует бесцельному глаzeniu, лени и праздности, в которых мы, по правде сказать, далеко не безгрешны.

У многих из наших казаков лень и любовь к совершенно праздному препровождению времени глубоко вкоренились. Кроме недели-другой севбы весной, недели-другой косьбы летом и недели-другой-третьей молотьбы зимой, остальное время многие из наших казаков проводят почти в совершенной праздности. Или стоят на берегу со сложенными за спиной руками, или, совершенно без всякой цели и нужды, ходят по улице, или, если и это надоест, заходят к куму, приятелю и здесь, распивая кирпичный чай, ведут нескончаемые беседы. Редко нападает на такого казака охота сделать хоть что-нибудь около своего дома: тележонку ли исправить, борону ли починить, полозья ли загнуть, ведро ли набить и т. п.

Такой казак разве только в крайней необходимости и то, пожалуй, под влиянием начальственных побуждений, примется за какую-нибудь серьезную, капитальную работу. Береста, которой покрыт его дом, покособилась, полопалась от непогоды и солнца, изба течет во всех углах: он не решится толком покрыть ее, залепит кое-как дыру, и ладно. Изба во все не покрыта, на потолке трава выросла по колено, протекает страшно. Как бы, кажется, не покрыть ее? Ничуть не бывало. «И так проживем», – думает казак. Стойка для лошадей и скота разваливается, но еще не развалилась – ладно, пускай стоит, пока развалится. Решетчатый забор, построенный в первый год переселения на живую нитку, весь рассыпался и окончательно не удовлетворяет своему назначению, но пока стоит еще. Ну и пускай стоит, пока окончательно не повалится. У иного ни заборов, ни стоек, ни амбаров вовсе нет, на скотном дворе ветер ходит, как в поле. «Ничего, проживет и так», – думает наш казак-философ.

Есть у нас в станице и мастеровые, и промышленники разного рода: дегтярники, колесники, кирпичники, горшечники, рыболовы, столяры и т. п. А попробуйте-ка спросить дегтю, колес, кирпичу, глиняной посуды или чего-нибудь подобного: ни за какие деньги не достанете. Да если бы вы вздумали и заказать что-нибудь, то ничего не дождетесь. Казакам некогда, да и инструменты плохи, да и пора летняя и т. д. Да и для себя-то казаки также почти ничего не делают: у колесника телега чуть не такая же плохая, как и у прочих смертных; у дегтярника другой год телега не мазана и поет при езде самым отчаянным образом. Вообще телеги у нас отличаются особенною певучестью: три, четыре не только могут заменить собой хор певчих, но, пожалуй, целый оркестр музыки.

О приготовлении домашним образом холстов, сукна и т. п. у нас и в помине нет. Несмотря на то, что конопля при самом ничтожном удобрении родится великолепнейшим образом, ее сеют всего разве несколько человек, да и то в самом ничтожном количестве. Льна не сеют вовсе. О приготовлении пеньки и не думают; не только ткацких станков, но и прялок почти и в заведении нет. Наш казак и казачка с ног до головы одеты во все покупное. Только обувь готовится иногда домашним образом, и то самая невзыскательная. Исключение составляют только несколько человек зверовщиков, которые часть платья готовят из выделанных шкур убиваемых ими зверей.

Причины такой непонятной лени при богатстве окружающей нас природы и обилия источников добывать хлеб и деньги весьма разнообразны. Начать с того, что здешние казаки заразились ленью еще во время житья своего в Забайкалье. Хлеб там был страшно дешев, почти нипочем, дичи много охотиться свободно, податей никаких. Много ли нужно было казаку, чтобы быть сытым? Да и как казаку не заразиться ленью, когда он вполне убежден, что ему, человеку служащему, подначальному, не дадут умереть с голоду, что в случае крайней бедности, недостачи хлеба, падежа скота, пожара и т. п. он всегда может рассчитывать на пособие казны и начальства. «Так ли, иначе ли, а все же казна даст», – думает казак и сидит сложа руки.

Переселение на Амур еще более развило в казаках упование и надежду на помощь казны в затруднительных случаях: переселили ведь в новое место, так не дадут же умереть с голоду. А тут богатство природы, урожай, множество способов легко нажить деньги. Частные лица, проживающие здесь, платят за все сумасшедшие деньги. Ну как тут не облениться! Кроме того, самые потребности казака крайне ограничены. Если казак не голоден и не наг, то чего ему еще надо? У него нет мяса, что бывает почти постоянно, – он довольствуется рыбой; нет рыбы, что также случается со многими, – с него достаточно молока, хлеба и чая; нет молока – он сыт хлебом. Если же и хлеба не хватит, что также нередко случается с некоторыми, то казак может просуществовать малую толику времени и одним кирпичным чаем. Но, разумеется, такое положение продолжается недолго: какой-нибудь запасливый сосед, или приятель, или казна выручат его, наконец, из беды, а при хлебе и чае казак не голоден. Что касается до платья, то и в этом случае наш казак неприхотлив: летом сорочка и штаны из дабы или грубого холста, зимой поверх этого бараний или козий эргак, шапка и сапоги: вот весь костюм казака. В праздники летом казак надевает сверх сорочки и штанов тиковый, или ситцевый, или нанковый халат, обутки и шапку; а если халата нет, то его заменяет свитка из грубого домашнего сукна, сделанная еще в Забайкалье. Впрочем, достаточнейшие из казаков шьют халаты из шерстяных материй, делают мундиры из толстого сукна, имеют форменные шинели и носят белье из тонкого холста или ситца. Казачки, как замужние, так и девушки, по будням носят сарафаны из синей или желтой дабы и из ситца, на плечи накидывают дешевенький полushалок, а замужние повязывают еще голову платком. Те и другие ходят босиком. По праздникам носят сарафаны или платья из ситца, покрывают головы бумажными или полushелковыми платками, на плечи накидывают шали рубля в два-три цены и ходят в башмаках. Зимой казачки, которые побогаче, носят люстриновые, на бараньем меху пальто или шубки, отороченные белкой, с беличьим же воротником; а которые победнее, ходят в полushубках и даже свитках из крестьянского сукна.

Сами казаки мало издерживаются на одежды своих жен и детей: многие казачки и девушки большую часть своей одежды заводят на собственные деньги, добытые хозяйственным и нехозяйственным способом. Огород и молочное хозяйство составляют в этом случае главную и почти единственную статью дохода казачек.

Главную промышленность наших казаков составляет, разумеется, хлебопашество. Все наши казаки-хлебопашцы, исключая разве нескольких человек, перечисленных в казаки гарнизонных солдат, поступивших в военную службу из кантонистов или из бывших дворовых людей, мещан и фабричных рабочих. Эти не пашут, потому что не умеют да и не привыкли к тяжелому труду. Всякий казак имеет одну-две лошади, некоторые имеют по три и по пяти, а есть и такие, у которых насчитывают по десятку лошадей. Коров держат также каждый: большая часть имеют по одной корове, многие по две, есть и такие, которые имеют по несколько. В нашей станице насчитывают на 770 душ населения – 450 лошадей, 100 быков и около 550 коров. Бараны в нашем месте плохо разводятся, отчасти по причине высоких трав, в которых они теряются часто десятками, а главным образом, по причине множества паутов и комаров, которые их страшно тревожат. Кроме того, у нас овцы часто слепнут: комары накусывают им глаза, и они трут их об траву до воспаления.

Свиньи могли бы разводиться в огромном количестве, если бы только хлебопашество у нас развилось надлежащим образом. Летом они требуют самого незначительного корма, осенью множество желудей в дубняках составляют для них превосходный даровой корм. Если желуди собирать и запасать на зиму, то свиньи и зимой не потребовали бы значительного корма. Хотя очень часто на свиней у нас бывают падежи, но я полагаю, что хороший ветеринарный врач, который, вероятно, будет же когда-нибудь и у нас, легко устранил и это. Полагают, что падежи эти происходят от того, что свиньи объедаются каких-то вредных грибов, в большом количестве растущих в мокрые годы.

Одним из главнейших препятствий к развитию скотоводства служат пауты и комары, которых у нас в течение всего лета бывает очень много. В мокрые годы они появляются в таком количестве, что трудно даже представить себе, чтоб их могло быть еще больше. Насекомые эти держатся преимущественно в поле и в местах нежилых; в станице, где место отоптано, они встречаются только в небольшом количестве. Пауты в солнечные дни, когда нет большого ветра, до того кусают лошадей и рогатый скот, что он убегает в тенистые места и с того времени, как обогреет солнце, и до вечера ничего не ест. Комары начинают кусать скот вечером и кусают его до полуночи, так что, поев вечером не более часу, он уходит на отоптанные места или к раскладываемым хозяевами и пастухами дымокурам и там стоит далеко за полночь, потом опять начинает пастись и пасется до той поры, как солнце обогреет и появится паут.

Зимой скот у нас не может ходить на подножном корму, как от того, что в иные годы снег бывает очень глубок, так и от того, что зимой у нас почти каждую неделю бывают страшные пурги, продолжающиеся иной раз дня по два и по три. Кормить большое количество скота зимой сеном в настоящее время невозможно потому, что лугов у нас не так много, чтобы хватило на большое количество скота, так и потому, что рук мало и накопить сена более 5000 копен вряд ли возможно. А 5000 копен хватит на прокормление не более 125 голов рогатого скота, потому что травы у нас болотные, крупные: скот съедает только вершинки, а

комли стаптывает под ногами. Можно надеяться, что со временем от ежегодного выкашивания и стаптывания скотом луга наши улучшатся и травы сделаются гораздо питательнее.

Земель отведено у нас так много, что на душу мужеского пола приходится более 50 десятин. Распахано же из числа этого количества всего около 275-ти десятин на 770 душ обоого пола, следовательно, немного более одной трети десятины на душу. До этих результатов дошло наше хлебопашество в течение пяти лет, так как половина казаков наших переселена сюда в 1858 году, затем остальная половина поселена в 1860-м и 1862-м годах. Казаки пахут сохами и сабанами на двух и трех лошадях. Быками пашет только одно казачье семейство и две артели перечисленных в казаки гарнизонных солдат. На эти две артели и вообще на занимающихся хозяйством перечисленных в казаки гарнизонных солдат стоит обратить некоторое внимание. В 1860 году в Уссурийском казачьем батальоне некоторые из таких солдат, видя, что каждый из них в одиночку не может с успехом заняться хлебопашеством и завести хозяйство, соединились в артели, чтобы завести общее хлебопашество и хозяйство. Бывший командиром батальона князь Дишкалиани помог им казенными средствами: дал лошадей, коров, орудия, семена. Таким образом, составились две-три артели. В течение 1860 года они построили землянки и даже дома, и распахали пашни. Пример этот послужил для начальства руководством и относительно других частей Амурского казачьего войска. В 1861 году по распоряжению генерал-губернатора предложено было начальникам конной бригады и Амурского пешего батальона содействовать в командуемых ими частях к устройству подобных же артелей из перечисленных. Вследствие этого и у нас устроилось несколько артелей, но, подобно другим русским компаниям, большая часть их расстроилась в том же году. Остались только две, каждая из трех человек. Они получили от казны даром по лошади и по корове; на заработанные общими средствами деньги купили еще по лошади. Кроме того, начальство дало им в безвозмездное пользование по паре быков. В настоящее время они имеют столько пашни, что совершенно обеспечены в своем продовольствии. У них чистенькие, на манер малороссийских, домики, покрытые берестой, с вымазанными глиной и выбеленными известкой стенами; тележные сараи, уютные теплые стойки для скота, маленькие амбарчики и погреба; между тем как у многих казаков сараев, стаек и амбаров вовсе нет, а погребов почти и ни у кого. Артели имеют громадные огороды, засаженные картофелем, огурцами, капустой, тыквой, морковью, луком, петрушкой, горохом, фасолью, коноплей, редькой, свеклой и т. п. Дворы их и огороды обнесены незатейливой, неаккуратной городьбой, между тем, как у некоторых казаков дворы и огороды вовсе не огорожены, а у многих обнесены только городьбой в три-четыре жерди. Все это сделано самими членами артелей без всякого постороннего пособия и найма. К этим двум артелям примыкают три семейства женатых малороссов, тоже из перечисленных, имеющих такое же аккуратное хозяйство, только в меньшем объеме. Все они вместе составляют у нас род маленькой малороссийской колонии.

Урожай хлебов бывают у нас всегда значительные: казенная десятина дает от 75 до 160 пудов хлеба. Но климатические условия часто весьма неблагоприятно действуют на успех хлебопашества. В 1860 году урожай был превосходный, но во время самого жнитва пошли страшные дожди, так что хлеб просушить было невозможно, и он пророс в снопах. Местами хлеб пророс и на корню. А всякому известно, что пророслый хлеб не годится для семян и теряет по крайней мере 3/4 своего содержания. Овинов и сараев, в которых бы можно было

сушить хлеб, у казаков нет, да и быть не может, потому что пашни их разбросаны по клочкам на пространстве двадцативерстного четверугольника и отстоят от станицы на десять, пятнадцать верст. В 1861 году от постоянных проливных дождей и других причин было страшное наводнение, потопившее даже часть пашен нашей станицы, одной из самых возвышенных станиц на Амуре. В 1863 году было сряду два проливных, с сильным ветром дождя; эти дожди повалили все лучшие густые хлеба. Хотя потом хлеба и встали, но все же остались по местам пролежи и хлеб потерял от 10 до 25%. Главным же образом причиной малоуспешного пока развития хлебопашества служит трудность обработки почвы, покрытой кустарником, коренистой; обилие насекомых, вредно действующих на силы скота, позднее вырастание трав, первобытная грубость приемов, и, наконец, обусловленная вышеуказанными причинами лень казаков.

Кроме хлебопашества человек десять казаков нашей станицы занимаются зверопромышленностью. Это так называемые зверовщики. Все свободное от сельскохозяйственных занятий время они употребляют на охоту. Охотятся большей частью без собак. Ни гончих, ни борзых собак у нас нет, легавые есть только у офицеров. Стреляют зверовщики наши кремневыми тульскими винтовками, которые во время стрельбы ставят на деревянные сошки. Пули употребляются круглые, величиной в треть дюйма в поперечнике. Лет пули бывает от 50 до 1000 шагов. Винтовка без всяких раковин, трещин, задиринов и тому подобных недостатков стоит здесь от 10 до 20 рублей. Обыкновенно же винтовки продаются по 5 или 7 рублей. Приобретая хорошую винтовку, казак-зверовщик бережет ее так же, как хлебопашец коня-пахаря. Сделать значительное исправление в винтовке у нас никто не умеет. Зверовщики стреляют диких коз, сохатых, кабанов, изредка лисиц, волков и еще реже медведей. Коза дает около пуда мяса, сохатый – до 25, кабан – около 10 пудов. Мясо убитых животных едят сами или продают жителям станицы. Косулина продается по 1 руб. и 1 руб. 25 коп. за пуд, кабанина по 3 рубля за пуд. Шкуры выделывают и шьют из них эргаки (верхнее платье), брюки и обувь. Козьи шкуры меняют также проплывающим по Амuru и проезжающим на лошадях китайцам и маньчжурам на буду (мелкое маньчжурское пшено), пшеничную муку, рис и т. п. Для промысла зверовщики уходят или уезжают верхами верст за 20-25 от берега, в глубь страны, по речкам, впадающим в Амур. Впрочем козы попадают как на нашей, так и на китайской стороне Амuru, почти у самого берега по 3, 4 и 5, а иногда и более штук вместе. На китайском берегу Амuru наши зверовщики также охотятся, но не далее 10 верст, несмотря на то, что весь китайский берег, от начала Хингана и до впадения в Амур Укури, не населен. Десятка три казаков нашей станицы занимаются зимой белкованием, соболеванием и вообще пушным промыслом. Обыкновенно в начале ноября, когда все речки замерзнут, эти промышленники соединяются в небольшие артели по 3, 4 и 5 человек и отправляются с провизией и винтовками верст за 30-50 и более в глубь страны. Здесь устраивают множество ловушек и оставляют их, а сами где-нибудь в стороне стреляют всякого попадающегося зверя: соболя, белку, хорька, енота, барса, выдру, барсука, лисицу, летягу (летучая белка), зайцев серых и черных и рысей. От времени до времени осматривают свои ловушки и вынимают попавшуюся добычу. В начале декабря возвращаются в станицу. Более всего приносят, конечно, белок: около 3000 штук, затем каждая почти артель приносит от 5 до 10 штук соболей, иногда и более. Лисицы попадают только красные, ни бурых, ни черно-бурых у нас не

встречается. Изредка попадает краснѣ волк. Беличий промысел бывает наиболее удачен в те годы, когда случается урожай кедровых орехов в хинганских кедровых лесах. Выдры падаются небольшие, около полутора аршина длины. Медведей и волков в настоящее время не только вблизи станицы, но и верст за 30 от нас встречается мало: всего два-три в год. В первые же годы переселения все дубняки, окружающие нашу станицу, были населены медведями, и в самую станицу приходили один – два тигра в год. Теперь тигры удалились в глубь страны и показываются редко. Медведи здешние смирны и, пока не заметят враждебных против себя намерений, на человека не бросаются.

Но чуть только медведь заметит, что охотник идет на него с оружием и в особенности если выстрел уже сделан и слегка ранил разъяренного зверя, – он с яростью и страшным ревом бросается на своего противника и, если успеет, сгребает его и начинает ломать и драть когтями. В этом случае одному охотнику почти нет спасения. Если же их два-три, то остальные бросаются на медведя с ножами и топорами. Медведь бросает первого и наваливается на того, кто его ударил топором или ножом. Лежавший снова поднимается и нападает на медведя с холодным оружием. Медведь бросается от одного к другому, и сражение продолжается до тех пор, пока обессиленный зверь упадет, истекая кровью. Но и охотникам такая победа стоит недешево: большею частью они возвращаются или их находят другие промышленники страшно изувеченными. Во избежание этого хороший охотник обыкновенно подходит к медведю или подпускает его к себе на такое расстояние, чтобы попасть в него наверняка, стреляет и затем поджидает, пока медведь упадет от потери крови. Тогда охотник подходит, добывает зверя холодным оружием, снимает с него шкуру и отрезает стегна и лопатки. Медвежье мясо продается дорого: по 4 рубля и дороже за пуд. Казаки, впрочем, его почти не едят.

В первое время переселения случалось, что тигры уносили лошадей и коров из самой станицы. В 1858 году тигр подошел к станице; собаки начали выть, визжать и прятаться к избам. В верхнем конце, за станицей, у цейхгауза, на часах стоял казак с палкой вместо ружья. Услышав вой собак, некоторые казаки проснулись, вышли из домов, выстрелили в воздух из ружей и затем, не видя ничего, залегли снова спать. Тигр, услышав выстрелы, отошел от скотных дворов, где испуганный скот столпился на одном месте, и направился к цейхгаузу. Часовой в это время грелся у разложенного около цейхгауза огня. На другой день поутру нашли труп часового с разодранным брюхом, выпущенными внутренностями, ободранный и объеденный. На земле видны были следы тигра и на ближайших деревьях царапины, какие мог сделать только тигр. Вскоре после того партия охотников, человек шесть с винтовками, на лошадях и с собаками, отправились верст за 15 от станицы. Выехавши на болота, они заметили в траве что-то желтое, величиной почти с лошадь. Один охотник выстрелил: из травы поднялся тигр, спокойно опять ушел в траву и скрылся от глаз. Перепуганные охотники бросились было бежать, но, опомнившись, решились проследить тигра, так как на месте, где он лежал, увидели кровь и догадались, что он ранен. Около часу ездили они, не находя ничего. Наконец наткнулись на тигра так близко, что он был от них в нескольких саженьях. Он лежал в чаще, в лозняке. Охотники прицелились и один выстрелил, но не попал. Зверь, услышав выстрел, бросился к охотникам. Первая попалась ему собака: он схватил ее зубами, приподнял на воздух и бросил оземь: собака была без признаков жизни. Тогда он бросился на одну из лошадей и вцепился зубами в заднюю ногу. Охотники в ужасе бросились в сторону и, от-

бежав на некоторое расстояние, остановились. На месте остался только один охотник, стрелявший в тигра. Зарядить снова было бы долго: он закричал товарищам, чтобы дали ему винтовку. Тут один из бежавших, раньше других опомнившийся, выхватил у одного из потерявших от страха товарищей винтовку и поспешил передать охотнику. Пока тигр возился с собакой и лошадьё, они оба успели выстрелить: один попал в лошадь, другой в тигра. Зверь выпустил добычу, застонал, заревел и грохнулся оземь. Охотники выждали, пока он перестал хрипеть; тогда подошли к нему, добились топорами и принялись снимать шкуру. Со времени переселения на Амур казаками нашего батальона были встречены и убиты 5 тигров. Шкуры их были длиной от 12 до 16 четвертей и проданы за цену от 30 до 50 рублей. Шкуры куплены большей частью офицерами.

Соболя продавались первые годы от 7 до 10 рублей за штуку, ныне же средняя цена порядочного соболя 6 рублей. Белка продается по 10 коп. за штуку, хорек по 40 коп., волк по рублю, барсук по 60 копеек, выдра от 7 до 10 рублей, серый заяц по 30 копеек. Енотов и лисиц берут охотно маньчжуры и китайцы: они идут у них на шапки и куртки.

С нашими казаками соперничают в звериной и пушной промышленности гольды и орочны. Эти туземцы во время переселения на Амур казаков жили по обеим сторонам Амура. В 1860 году маньчжурские чиновники и особенно гирийский правитель объехали всех гольдов и ороchon, живших на нашей стороне, и разными угрозами, особенно угрозой не продавать буды, запретили им здесь оставаться. С тех пор они живут в одиноко разбросанных по китайскому побережью Амура юртах и шалашах, летом занимаясь рыбной ловлей на Амуре, а зимой звериной и пушной промышленностью. В ноябре многочисленные артели гольдов отправляются по берегу речек, впадающих в Амур, везя по снегу, на себе и на собаках, нарты, нагруженные будой, табаком, порохом, свинцом, луками и стрелами. Они идут в Хинган, заходят в глубь гораздо дальше наших промышленников, до самых высоких гряд Хинганского хребта. Если очень долго не выпадает снег, то одна часть артели отправляется к снегу и охотится на коз и енотов. Платье и обувь их и шапка летом делаются из рыбьих шкур, зимой, у некоторых же и летом, из выделанных оленьих шкур. Вооружены они винтовками, ножами в деревянных ножнах и копьями. Артели состоят из пяти, шести и более человек. В конце зимы по последнему пути, пока еще речки не прошли, они возвращаются с промысла и располагаются где-нибудь на реке вблизи наших станиц. После этого начинается путешествие гольдов в станицы и жителей станицы в кочевье гольдов. Купцы, зауряд-офицеры и казаки покупают у них соболей по 5, по 4 и по 3 рубля на серебряную монету, смотря по достоинству соболя. Кроме того, покупают у них мясо, платя за него старым платьем, спиртом, а иногда и наличными деньгами. При этом плутоватые казаки надувают их иногда жесточайшим образом.

Из товаров гольды берут только дабу и плис, и то в самом незначительном количестве. По станицам они ходят смело, без малейшего опасения, и действительно, их принимают у нас всегда гостеприимно. Обыкновенно они приходят в станицу, идут в дома, которые побольше и в которых, по их соображению, живут купцы или богатые казаки. Вошедши в дом, они кричат: «Менду, менду онда» (здравствуй, здравствуй, друг!). Если хозяин отвечает им подобным же приветствием, то они усаживаются и начинают курить свои ганзы (трубки медные, маленькие, на тоненьких чубуках); при этом они плюют беспрерывно и, если проси-

дят в комнате хоть с четверть часа, то в том месте, где сидели, пол бывает страшно оплеван. Затем у них обыкновенно спрашивают о соболях, они вытаскивают их понемногу из-за пазухи, и начинается торг. В течение всего времени, пока сидят в комнате, они с величайшим любопытством осматривают всякую вещицу, оглядят и самого хозяина, ощупают его платье, посмотрят его трубку или коробку со спичками, пистолет, зеркало, ковер и т. п. Но не случилось, чтоб они что-нибудь украли. Наши купцы угощают их, впрочем, весьма редко; угощение заключается в ломтях хлеба, в водке или чае.

Казаки угощают их хлебом и кирпичным чаем. Из съестных припасов, они, впрочем, чрезвычайно редко и в самом ничтожном количестве покупали гречневую муку. Они покупали бы у нас и муку, и буду, если бы мы могли продавать эти припасы по такой же дешевой цене, по какой продают маньчжуры. Буда, как хлеб, чрезвычайно урожайный, дающий на десятине 100, 150 и 200 пудов, продается маньчжурами так дешево, что, по словам гольдов, за соболя они берут несколько кулей буды. У нас буда хотя также хорошо родится, но сеют ее мало и обдирать не умеют. В нашей станице всего две конные мельницы, которые с грехом пополам могут смолоть в день около 10 пудов муки, а обдирать такой мелкий хлеб, как буда, вряд ли могут. Сеять же буду в большом количестве, завести мельницы, которые могли бы обдирать ее, и потом продавать гольдам по 25 коп. за пуд для нас нет расчета. Другие хлеба рождаются у нас столь же хорошо, а цена на них вдвое, второе и вчетверо дороже. В прежнее время, до издания запрещения продавать винтовки, порох и свинец, эти вещи представляли чрезвычайно выгодный предмет меновой торговли нашей с гольдами. За хорошую винтовку, стоившую у нас 6 и 7 рублей, гольды давали 2, 3, 4 и даже 5 соболей. За фунт пороху или 2 фунта свинцу можно было выменять у них фунтов 30 мяса. Казаки в то время получали большую пользу от этой торговли. Теперь, кроме серебряной монеты, дабы и плису, нет других предметов промена в нашей торговле с гольдами. Правда, остается еще водка, но не всякий ее имеет и не всякий захочет торговать водкой.

Есть в нашей станице несколько рыболовов, имеющих свои снасти (то есть крючья) и занимающихся ловлей рыбы в Амуре все лето. Рыбы попадается множество; по преимуществу зубатка или кета (вроде семги), маленькие жирные сомы, шуки, лещи, налимы, конь и осетры от 1 до 3 пудов весом. Попадаются и калужки пудов в 10 и более весом, но весьма редко. Более всего бывает зубатки, сомов и шуки. Но вообще казаки, несмотря на страшное изобилие рыбы, почти не занимаются рыболовством. Только изредка артели две из всей станицы (человека по четыре) отправляются делать так называемые заездки на впадающих в Амур речках. Они перегораживают речки, насыпая на дно камень и наваливая потом лес, так, чтобы через него могла протечь вода, а рыба не прошла, и ставят плетенки с той стороны, откуда идет рыба. Такой способ ловить рыбу неудобен, так как большая вода часто уничтожает эти заездки, да и рыбы в них попадает не много и по преимуществу мелкая. Кроме того, такой заездок можно устроить только на узкой и мелкой речке. У нас было два таких заездки в этом году, но вода уничтожила оба.

Неводами здесь почти никогда не ловят рыбы, хотя начальство прислало как в нашу, так и в другие станицы превосходные неводы для безвозмездного пользования казаками. Но они спокойно лежат в ротном цейхгаузе, ожидая, пока казаки пожелают воспользоваться ими для ловли рыбы.

В рыбной ловле, так же, как и в зверином, и пушном промысле, соперничают с нашими казаками гольды. Многие из них целое лето почти живут на китайском берегу Амура, занимаясь рыболовством. Они плавают по Амуру в своих легких лодочках, сделанных из древесной коры. Чуть только заметят где-нибудь рыбу, как быстро подплывают к ней и поражают ее острогой (вроде копья). Они налавливают много осетров, калуг и мелкой рыбы. Осетров они продают русским так дешево, что пуд обходится около рубля; калужек они не продают, а обдирают с них мясо, вытапливают жир, кости высушивают для собак, а высушенные хрящи продают маньчжурам. Вообще, в нашей станице пуд рыбы стоит обыкновенно около рубля, но доходит до 70 копеек и до 1 рубля 50 копеек. О делании балыков, икры и соления рыбы впрямь у нас никто и не помышляет.

Один из источников дохода нашей станицы (как и других станиц) составляет рубка дров на пароходы. Подряжаются ставить дрова для частных пароходов купцы и зауряд-офицеры по 1 руб. 50 коп. за сажень, а казакам отдают мелкими частями уже по рублю за сажень или рубят своими работниками. На казенные пароходы подряжаются сами казаки. В течение года с нашей станицы отпускается дров сажень триста. Дрова казаки рубят тотчас за станицей. Таким образом, дубовые деревья, которыми густо была окружена наша местность, начинают год от году редеть, и можно ожидать, что по истечении нескольких лет ее будет окаймлять вместо густого дубового леса чистая поляна. Вообще о сохранении леса казаки наши не думают: валят деревья где попало не только для какой-либо надобности, но часто и без нужды. А леса у нас немного. Только в хинганском хребте растет хороший кедровый, пихтовый и лиственничный лес. На равнинах только редколесье из плохого, большею частью гнилого дуба, черной березы и небольшого количества липы.

Верстах в 20 от нас и даже ближе в прибрежных горах найдены значительные залежи известки. Ломать ее, обжигать и сплавлять по Амуру чрезвычайно легко. Цена на нее хорошая: от 30 до 40 коп. за пуд. Сбывать ее можно было бы по всему Амуру до самой Хабаровки. Несмотря на это, казаки нашей станицы об этом и не думают. И если бы не два-три казака маленькой и бедной соседней станицы, занявшиеся добыванием, обжиганием и привозом к нам известки, то мы и сами сидели бы без этого необходимого материала. Известка эта очень хороша: бела, мягка, жирна, и камней в ней попадаетея весьма мало. Далее Хабаровки эта известка вряд ли бы пошла, так как по берегу Уссури почти под водой встречается отличная белая глина.

Наконец, при нашем изобилии кедровых и простых мелких орехов (продаваемых в России под названием каленых и казанских) можно бы выделять массу кедрового и орехового масла. Кедры, из которых состоит значительная часть лесов Хингана, покрыты кедровыми орехами; все амурское побережье верст на 20 вглубь и даже дальше, покрыто простым орешником, так что собрать орехов можно было бы до тысячи пудов. Но казаки пренебрегают этим источником дохода, несмотря на то, что большую часть года проводят в совершенной праздности, а дети их и круглый год ничего не делают.

В Хингане довольно часто попадаются дикие пчелы; казаки находят их, убивают и вынимают мед. Заниматься пчеловодством они не решаются, потому что не имеют о пчеловодстве никакого понятия, так и вообще по недостатку предприимчивости. Между тем богатая растительность и отличное произрастание черемухи могли бы сильно способствовать разви-

тию пчеловодства. Мед мог бы иметь сбыт как между самими жителями, любящими сладкое, так и на продовольствие морской команды в Николаевске.

Представителями торговли в нашей станице служат два купца, зауряд-офицер, заезжие торговцы, проплывающие мимо на баржах, паромах и лодках, и несколько казаков. Купцы наши имеют в станице постоянные лавки, в которых торгуют красным, бакалейным, железным товаром и напитками. Зауряд-офицер берет у проплывающих купцов на комиссию на несколько сот рублей красного товара и продает его не из открытой лавки, а из сундуков и других подобных помещений. Проплывающие купцы торгуют мимоездом всякой всячиной. Казаки торгуют только спиртными напитками. Из красных товаров у нас идут: даба синяя, красная и желтая, серпянки, ситцы, миткали, холсты, коленкоры, платки, шали, легонькие гарусные и шерстяные материи низких сортов и, в незначительном количестве, сукно низких сортов, бумажное трико, кунгурские сапоги, бродни, рукавицы. В настоящем году куплено около десятка кринолинов. Из бакалейного товара идет по преимуществу кирпичный чай, в малом количестве чай байховый, сахар, изюм, киш-миш, чашки, стаканы, в незначительном количестве ножи, вилки, тарелки. Из железного товара идут: котлы, чайники, сковороды, горшки, топоры, но все это – в самом незначительном количестве, так как в первые годы всем этим снабжала казаков довольно дешево, а отчасти и даром казна. Из напитков по преимуществу идет водка, ром, коньяк, джин и отчасти американская вишневая наливка – шерри-кордиаль. Водка идет из Забайкалья, а остальные напитки – из Николаевска, от американцев. Наши купцы продают товаров на деньги и на соболей приблизительно на сумму от 3 до 5 тысяч рублей в год. Да проплывающие купцы продают товаров на сумму от 1 до 1,5 тысячи рублей в год. Цены на товары следующие: серпянки и ситцы от 25 до 30 коп. за аршин; миткали, холсты, коленкоры около 15 коп. за аршин; бумажные платки от 50 коп. до рубля; гарусные шали от 1,5 руб. до 3 рублей; люстриновая и шерстяная материи низкого сорта по 40 коп. за аршин; сапоги от 3,5 руб. до 4 рублей; бродни – 2 рубля, рукавицы от 35 до 50 копеек; чай кирпичный от рубля до 1 руб. 25 коп., кирпич байховый, низкого сорта, от 1 до 1,5 руб.; сахар от 12 рублей до 20 руб. пуд; чашки, стаканы низкого сорта по 40 коп. штука, и т. д. Байховый фамильный чай, покупаемый в Кяхте, покупается даже китайцами, которые большею частью пили прежде желтый чай. Чай доставляется из Николаевска. В Николаевске же он привозится американскими купцами. Красный товар закупается на Верхнеудинской ярмарке, в Чите и в Нерчинске. Заграничный красный товар и сахар привозится в Николаевск американцами, немцами и евреями; от них уже покупают эти товары наши станичные купцы. Таким образом, пока этот товар дойдет до покупателя, он пройдет через многие руки. Доставка от Николаевска до нашей станицы обходится около полутора рубля с пуда.

Каждое лето мимо нашей станицы проплывает несколько маньчжурских лодок. В этих лодках торгуют маньчжурские купцы, а еще чаще маньчжурские чиновники. Они продают пшеничную и гречневую муку, первую около 1 руб. 75 коп. за пуд, вторую около 1 руб. 50 коп. за пуд; буду около 1 руб. за пуд, рис около 2 рублей за пуд, сахар леденец и патоку – от 30 до 35 коп. за фунт; кирпичный чай, табак – от 30 до 40 коп. за фунт. В прежнее же время они по преимуществу торговали ханшином (китайской водкой).

Самый главный расход у наших купцов бывает на свечи и мыло – эти товары продаются по 25 коп. за фунт.

Весной во всех описанных товарах чувствуется у нас большой недостаток, и цены немало поднимаются. Это происходит от того, что с прекращением навигации и до нового ее открытия у нас нет никакого привозу и вывозу товаров. Если бы какой-нибудь купец вздумал доставить товары на Амур зимой, то ему пришлось бы везти его на своих лошадях и платить страшные цены за сено и овес, и он, несомненно, потерпел бы убыток. А если бы он вздумал везти товар наймом, то в иных местах его провезли бы довольно сходно, а в других сорвали бы такие невероятные цены, что он, конечно, отказался бы и от намерения дальше везти свой товар.

Причина такого положения дела заключается в том, что у казаков лошадей немного, кормятся они плоховато и большой охоты зарабатывать лошадьми деньги у них нет. Да и почтовая гоньба отнимает у них отчасти возможность возить частных проезжающих и их товары. Наконец, казаки приобрели привычку брать, где только можно, неслыханные цены, как говорят – сорвать. Соперничать же с ними некому. В Амурской области крестьяне, в небольшом количестве, живут только в двух пунктах: около Албазина и в Благовещенске по реке Зее.

Провезти большой транспорт товаров по Амуру зимой можно не иначе, как заготовив заблаговременно в разных пунктах, на расстоянии верст ста пункт от пункта, сено и овес. Тогда купить собственных лошадей и везти товар. Но и в этом случае дело может быть не вполне верно: почти каждую осень в разных местностях Амура осенью бывают пожары, и заготовленное сено может сгореть. Но во всяком случае такой способ более или менее надежен.

Главный и самый надежный предмет торговли у нас спиртные напитки. Их-то преимущественно и привозят в Николаевск иностранцы. Большая часть денег наших казаков идет на эти напитки, меньшая же употребляется на платье и увеличение скотоводства. Разумеется, есть отрадные исключения, но вообще пьянство распространено у нас в значительной степени.

В прежнее время продажей спирта заведывало начальство; ротные командиры отпускали спирт раза два в неделю. И в эти дни полстаницы можно было найти навеселе. Кроме того, довольно часто проплывали с маньчжурскою водкой как самые маньчжуры, так и русские торговцы. Прибытие их составляло праздник для станицы, и к вечеру такого счастливого дня в ней оказывалось множество пьяных. По большим праздникам почти полстаницы бывает пьяно. О Рождественских святках и на Светлое Христово Воскресенье большая часть казаков по нескольку дней пьянствует. Ныне объявлена вольная продажа спиртных напитков. Но пока еще мало появляется торговцев спиртным. Поэтому, если не бывает в станице продажного спирта, казаки, нисколько не стесняясь, берут ром по полтора рубля за бутылку и распивают его также точно, как распили бы самую дешевую водку. Недавно плыл мимо станицы из Николаевска иностранный купец на небольшом пароходе; на буксире он вел баржу, на которой у него была лавка. Рому у него было много. Он останавливался по станицам и торговал по нескольку часов, а в иной станице по целым суткам. У этого купца некоторые казаки брали ром ящиками, не говоря уже о тех, которые брали его бутылками.

Старания начальства об искоренении между казаками пьянства и развитии трудолюбия не имеют успеха. Да и вообще, мне кажется, что если бы начальство поменьше заботилось о

казаках, то для последних было бы лучше: они сами более бы о себе заботились. Теперь же, видя постоянную о себе заботливость начальства, они все почти свои надежды возлагают на него и пришли к тому убеждению, что казна все им даст. Разумеется, есть между казаками личности, составляющие и в этом отношении исключение, но таких немного. Чтобы вывести большинство наших казаков из этого апатического, непредприимчивого состояния и побудить их воспользоваться всеми благами, которыми так богата амурская природа, необходимо поменьше опеки над ними, больше образования и поселение рядом с казаками вольных переселенцев. Во всей нашей станице всего несколько человек грамотных и ни одного казака хоть мало-мальски образованного. Сам просветитель юношества нашей станицы – перечисленный в казаки гарнизонный солдат из кантонистов. В нашей школе на 770 душ населения учится всего двадцать человек. Во всей Амурской области нет даже такого училища, которое равнялось бы уездным училищам. Мы дальше приходских школ пойти еще не успели. Поселение между казаками предприимчивых крестьян-переселенцев было бы, по нашему мнению, весьма полезно. У таких крестьян, сколько мне приходилось видеть их, кроме предприимчивости, им свойственной, самые хозяйственные приемы гораздо совершеннее, чем у наших казаков. Довольно сравнить крестьян Амурской области с казаками. У первых лошади великолепные, у последних чуть-чуть не клячи; у первых развито рыболовство, извоз, мелкие торги, у последних все это только в зародыше. У первых учат детей грамоте чуть не в каждой избе, у последних в даровую школу ходит всего 20 мальчиков на 770 душ населения. Хлебопашество у крестьян развито гораздо лучше, чем у казаков. Многие крестьяне пашут плугами, казаки всегда сохами и сабанами. Между тем амурская земля такого рода, что для развития хлебопашества в больших размерах необходимо пахать плугами, а не вырубать топорами и заступами кустарник и корни и потом распахать сохой, как это делают казаки. Крестьянина нашей области без дела не увидишь, а казака очень часто застанешь совершенно праздным.

С развитием между казаками образования и удобств жизненных нынешнее их зависимое положение было бы неуместно. И иное положение это стеснительно для хозяев-казаков, несмотря даже на мягкость и благонамеренность начальства. Если строго разобрать дело, то отношения казака-хозяина к его воинскому начальнику малым отличаются от отношений крестьянина к помещику при существовавшем прежде крепостном праве, особенно если начальник – человек необразованный, неблагонамеренный, не чуждый зависти, корысти и тому подобных недостатков.

К тому же нужно иметь в виду, что обстановка жизни регулярных войск, где военная дисциплина – основание всего, и обстановка казачьей жизни совершенно различны. Солдат, не имеющий ни кола, ни двора, ни дома, ни хозяйства, большею частью человек, стоящий неизмеримо ниже начальника и в умственном, и в материальном, и в общественном отношении. Казаки же составляют общество, опирающееся и на известном нравственном и умственном начале и материальном достатке. Там начальник знает своего подчиненного солдата только по фамилии и на службе; здесь он знает казака и как хозяина, и как члена того самого общества, в жизни которого участвует если не сам он, то его домашние. Да и по недостатку другого общества и сам он поневоле участвует в общественной жизни своих подчиненных. Отсюда масса столкновений между начальником и подчиненным, совершенно неизвестных и не могущих случиться в быту регулярных войск.

Но возвратимся к нашему времяпрепровождению. Кроме прихода разных барж, пароходов, лодок и т. п. летнюю жизнь нашу разнообразят праздники. В большие праздники девушки и казачки, разряженные, отправляются в церковь помолиться, людей посмотреть и себя показать. Если священник в станице, то он служит обедню; если же его нет, что также часто случается, то дьячок читает один час. Отстояв в церкви, приходят домой и распивают кирпичный чай, затем обедают. Обед начинается водкой, рыбным пирогом из ржаного или пшеничного теста; за пирогом следуют щи с мясом или рыбой, потом творог со сметаной и, пожалуй, жаркое или яичница. Разумеется, что далеко не все казаки имеют такой обильный обед даже и по большим праздникам.

После обеда родственники, обыкновенно казачки, начинают ходить друг к другу с визитами. Придут к одному родственнику, посидят, попьют байхового, а чаще кирпичного чаю, смотря по достатку, расспросят о здоровье, о скоте, о хозяйстве, о хлебах и уже вместе с хозяином дома отправляются к другой родне.

Девушки в это время собираются небольшими партиями, ходят по станице и поют. А казак, если есть вино, забирается в гости к одному какому-нибудь родственнику или приятелю, и распивают водку, какую Бог послал. А к вечеру, нежно обнявшись, расхаживают по улицам и распевают первую попавшуюся песню. Праздник Светлого Христова Воскресения отличается тем, что к помянутым развлечениям прибавляются качели для мужчин и женщин, хороводы, кегли и другие игры, в которых казаки очень ловки. В зимние праздники к удовольствиям расхаживания с визитами, выпивок и т. п. прибавляются еще некоторые другие. Для молодых казаков и девушек, и даже казачек устраиваются на скате берега род гор, с которых они и скатываются на бычьих кожах к реке. При этом неловкое падение производит всеобщий веселый хохот. Казаки, которые посерьезнее, устраивают бега на лошадях по станице. Иные катают в санях, на тройках и парах своих жен и родственниц. И все между тем пьют, пока есть возможность. Старики не только вечером, но и днем прогуливаются обнявшись, распевая непослушным языком различные песни, пока не свалятся где-нибудь, и сыновья, менее пьяные, а чаще дочери, не подберут их и не уведут домой.

Святки, Масленица празднуются по несколько дней, и оторвать казака от этого празднования могло бы разве неприятельское нашествие или пожар. Если вам что-нибудь крайне нужно в это время заказать сделать, то и не трудитесь: никто и пальцем не шевельнет.

Но венец всех зимних удовольствий составляют так называемые вечеринки, или амурские балы. Этот предмет стоит того, чтоб о нем несколько распространиться.

Вечеринки делаются по случаю больших праздников – именин, свадеб, крестин и т. п. и даются, разумеется, зимой, так как зимой посвободнее. Летом считается как-то неуместным веселиться публично, в то время когда следовало бы работать. Вечеринки даются казаками, купцами и офицерами, и потому их можно разделить на казачьи, купеческие и офицерские. Опишем купеческую вечеринку.

Через два часа после того, как купец задумал дать вечеринку и выразил свое намерение каким-нибудь внешним признаком, как-то: послать за водкой или за скрипачом, вся почти станица уже знает, что будет вечеринка. Все молодые замужние, а тем более незамужние казачки заранее предвкушают удовольствие поплясать вволю, а казаки выпить и поплясать или просто провести вечер в приятном созерцании того, как люди веселятся. Приготовления к

вечеринке бывают невелики: более или менее просторная комната в доме очищается от всякой рухляди и вокруг стен обставляется какою случится мебелью. Покупается бутылки три, четыре и более, смотря по тороватости купца, спирту или рому; готовится для знакомых чай и легкая закусочка: вот и все. Главная же забота заключается в том, чтобы подрядить станичного скрипача: это удовольствие стоит около рубля серебром в вечер. Затем посылается по знакомым казакам, верхом или пешком, работник с приглашением пожаловать на вечер. Чуть стемнеет на дворе, окончательно зажигаются в большой комнате свечи и ставни уже не затворяются, чтобы гости не подумали, что вечеринка отложена или вовсе отменена, что тоже иной раз случается. Музыкант приходит раньше других, угощается рюмочкой водки и, расхаживая по комнате в ожидании гостей, настраивает свой инструмент. Наконец, часов в семь слышится скрип снега, говор, шум платьев. Это первая партия гостей. Первыми приходят казаки. Молодые, и особенно плясуны, наряжаются иногда в мундиры, если таковые имеются, а не то приходят в новых халатах. Не плясуны являются в серых форменных шинелях, халатах. Вошедши в комнату, становятся у дверей или усаживаются на приготовленные для гостей места поближе к входной двери, или просто на полу у стены. Затем слышится опять скрип снега, шум, смех и говор: это партия молодых казачек. Они оставляют верхнее платье в сенях и входят в комнату разряженными по-праздничному, в платьях, сарафанах, платках и башмаках, с открытыми головами. Они очень развязно подходят к хозяину, если он случится при их входе в бальной комнате, и подают ему руку, которую тот, разумеется, вежливо пожимает... Мало-помалу собирается значительное количество публики. Девушек-казачек угощают чаем с сахаром и кренделями, а знакомых казаков водкой. Когда выпьют по чашке чаю и по рюмке водки, угощение прекращается, и начинаются танцы. Гостей, приглашенных и не приглашенных, набирается так много, что приготовленных мест не хватает, и вновь приходящие садятся на колени раньше пришедших. Мужчины по большей части стоят. Для танцующих, впрочем, оставляется пустое место посередине комнаты. Перед началом танца обыкновенно две-три девушки, которые побойчее, подходят к музыканту и просят его сыграть им какой-нибудь танец. Пока музыкант настраивает свой инструмент, танцующие собираются на середину. Кавалеры выбирают дам обыкновенно из тех девушек, которые им знакомы и которые им больше нравятся. Смычок проводится по струнам, и несколько пар пускаются в пляс. Танцуют быстро, ловко, с воодушевлением, с энергией, лица разгораются, глаза блестят, пары кружатся, вертятся, сцепляются руками: только пол стонет и гнется под ногами разгоряченных танцоров. В небольшие антракты девушек и молодых казачек угощают папиросами, а иногда пряниками и конфетами; музыканту, плясунам и знакомым казакам предлагают подойти к импровизированному буфету выпить и закусить. Из танцев обыкновенно танцуют «парочку». Это что-то вроде «русской». Кавалер, или дама за кавалера, выходит на середину комнаты и кланяется сидящей с краю девушке. Та выходит на середину и начинает танец. Потанцевав две, три, четыре минуты, дама садится на место, а кавалер ангажирует следующую по порядку девицу или молодую казачку. И это перебирание продолжается до тех пор, пока кавалер или дама, служившая за кавалера, не перетанцует со всеми танцующими гостями, которых бывает около 50-ти и более. Пот катится с него градом, но он не теряет духу и танцует со всею подобающею ловкостью и энергией. Кроме того, танцуют «восьмерку» или одни девушки, или девушки с кавалерами. Две пары становятся про-

тив других двух пар и выделявают разные па вроде некоторых па нашей кадрили. Переходят с места на место, кружатся со своими дамами, составляют круг и т. п. Танцуют «барыню», «молодчика», «закаблань», что-то вроде гресфатера, и «костолом» – танец, требующий большого искусства, потому что в нем кавалер, не оставляя приподнятой кверху руки своей дамы, проходит под этой рукой и целует свою даму в губы; тоже повторяет каждый кавалер со всеми танцующими дамами. Танец этот, как и «барыня», чрезвычайно оживлен, и наши танцующие исполняют их с ловкостью и даже некоторой грациозностью. Танцуют также вальс под названием «вальц». Случается, что устраивается и кадрили с помощью купцов и офицеров, и с грехом пополам протанцовывается.

Натанцевавшись чуть не до окончательного изнеможения, усаживаются и немного отдыхают. Отдохнув, начинают «ходить по песням». Это делается так: несколько девушек встают, начинают ходить вокруг комнаты, ангажируя по пути какого-нибудь кавалера, которому на плечо кладут платок. Прохаживаясь таким образом, они поют различные песни. Спев песню, девушки садятся. Выходят точно также кавалеры, прохаживаются один за другим вокруг комнаты, поют и по пути ангажируют дам, подавая им руку, те берут за руку кавалера, и таким образом пара за парой ходят вокруг комнаты и поют. Каждая песня непременно оканчивается поцелуями, а некоторые песни требуют и нескольких поцелуев. Одна из любимых песен следующая:

Со вьюном я хожу, с животом гуляю,
Я не знаю, куда вьюна положить.
Положу я вьюна, положу живота
Ко боярину на правое плечо.
Чем вьюна выкупать, чем живота выручать?
Уж я дам ли, не дам за него
Уж я три гривны серебряные,
Три, четыре позолоченные,
Я коня вынаходова, сокола сызаперова,
Молодца кудреватого, холостого, неженатого.
Я за молодцем иду, иду, иду,
За хорошеньким иду, иду, иду,
Переменки жду, жду, жду;
Поцелую, сама прочь пойду.

После этой песни следует три поцелуя. Затем кавалеры поют:

Как по ельничку,
По березничку,
По частому по мелкому по осинничку
Идут молодцы горой,
Ведут девушек с собой.
Пойдем, девица,
Пойдем, красавица.
Как у вас во саду,
Во высоком терему
Много шитых, много бранных,
Много белых полотнян,
Много шелковицы, полушелковицы.
Мальчик на ногу ступает,
Ума разума пытается,

Мальчик ручку жмет,
Поцелуя ждет.
«Поцелуй-ка, девица, поцелуй, красавица,
Поцелуй, радость, меня:
Взвесели молодца».
– Я за это, сударь, вас
Поцелую десять раз.

После этой песни целуют дам в губы десять раз. Потом поют:

Как у голубя,
Как у сизого
Золотая голова.
Как у голубки,
Как у сизой
Позолоченный венец.
Позавидовал, позавидовал
Разудалый молодец
Душе красной девице.
Если бы эта, если бы эта
Моя сужена была,
Я бы зимнею порою
Во Китай-город свозил.
Если б лето, если б лето
Во карете прокатил.
Если б осень, если осень
Епанечку бы сошил,
Не простую, дорогую
Золотой парчой покрыл,
Соболями опушил. Ты красуйся,
Моя суженая,
Моя ряженая,
За моей разудалой головой.
Ты позволь-ка поздороваться с тобой.

За этой песней целуются всего один раз, кавалер со своею дамой. После песни: «Я качу, качу по блюдечку» целуются, как поется в песне, со всем поездом, то есть все, кто участвует в пении, должны взаимно перецеловаться. Поют еще.

*«Амурский хлебопашец»
Жизнь в Амурской станице. //
Русский вестник, М. 1863. Т. 48. № 11. С. 417-454.*